

Большая часть его грядущей радости была отнята от различных неожиданных инцидентов. Чжан Лишэн, у которого кружилась голова, хорошенько посмотрел на гигантскую жабу перед собой. После минуты молчания он снова начал скандировать заклинание, нахмурившись.

Чувствуя раздражение, он захотел поэкспериментировать, стоит ли его атакующая способность второго червя волшебника. Он хотел узнать, обладает ли червь волшебника силой четырёх Цин-хонгов вместе взятых.

Когда снова раздался звук заклинания "пшшш...", родниковая жаба внезапно открыла свой гигантский рот и, словно свисток, вдохнула в джунгли бесконечный воздух. Через пару минут она расширилась до размеров мини-автомобиля с однорядным сиденьем.

Позже он удлинил язык, который был толщиной с лифтовый трос на огромной скорости. Точно так же его язык выстрелил в кедровое дерево, ширина которого составляла 50 метров от него. Крючок из плоти на кончике языка прострелил отверстие в стволе дерева и потянул половину дерева к себе.

Проглотив кору дерева за один рот, тело жабы, которая раз и навсегда завершила свою атаку, было похоже на воздушный шар, который сдувался, в конце концов, уменьшилось до размеров водяного бака с большой скоростью.

Когда жаба атаковала своим увеличенным телом, очень ограниченная сила волшебника, оставшаяся в теле Чжана Лишэна, непрерывно стекала и поглощалась расположенным рядом с ней червем волшебника. Он почти потерял сознание.

Тем не менее, магические и мощные способности, что жаба выполнил взял все обиды, что у него было далеко.

Это все еще может быть объяснено с силой, как биологическая мутация, чтобы оправдать атаку его червя волшебника Цин Хун с его острыми клыками и усиления его яда. Однако способность жабы из родниковой воды, вдыхая воздух и используя язык, "рубить дерево" могла быть описана только как чудовище.

Это определенно не было возвышением определенного типа дара. Наоборот, это была всезнающая сила, которая вырабатывалась естественным путем, когда животное превращалось в чудовище в легендарном мифе.

Между тем, два иероглифа "расширяйся, сжимайся" естественным образом появились в сознании Чжана Лишэна, когда он вел волшебного червя и не сомневался в доказательстве этого.

Ошеломленный в течение долгого времени, он радостно оторвался от мысли и сказал: "Всеведущая сила, всеведущая сила хахаха...".

"Я не знал, что Волшебник Ранга-1 может управлять таким чудовищным червем-волшебником". Дело не в том, что Волшебник не силен, а во мне. Это я - ученик, и понятия не имел, насколько могущественно колдовство..."

После некоторого времени криков и смеха, недостаток кислорода в голове дал Чжан Лишэну всплеск головокружения.

Он перестал бешено смеяться, когда из-за шатания ног наткнулся на шаги. Затем он посмотрел на жабу, которая была рядом с ним, как будто он был влюблен в нее.

Он мягко погладил шероховатую кожу жабы из родниковой воды и проямлил себе: "Хорошо, хорошо". Ты, жаба-монстр с большим животом, настолько сильнее Цин Хона".

"Я должен дать тебе величественное имя, иначе мне было бы жаль жабу с такой кожей, как у тебя".

"Ты - родниковая водяная жаба, которая так велика и живёт в густых джунглях в глубоких джунглях. Старая поговорка гласит: "Есть горы и вода", думаю, я буду звать тебя "Горная жаба".

"Mountoad, Mountoad, какое броское и величественное имя".

Чжан Лишэн проямлил себе, когда снова ловко таскал с собой бамбуковую корзину. Он знал, что состояние его тела сейчас ужасное, и у него вообще не было способности управлять своим волшебным червем, чтобы сражаться.

Если бы он не вернулся домой немедленно, его счастливый конец превратился бы в трагедию, как только он столкнулся с нападениями зверей в джунглях. В конце концов, он был всего лишь маленьким Волшебником.

К счастью, он больше не потреблял силы Волшебника, чтобы заставить свой Mountoad быть в режиме предосторожности в нормальном состоянии. Чжан Лишэн начал скандировать заклинание, чтобы заставить Mountoad защитить себя. Он нашел направление и проследовал по следам, которые молодой мул оставил прошлой ночью и медленно вышел из джунглей.

Как только Mountoad начал двигаться, его тело, которое было размером с бак для воды, не выдержало и начало сдуваться. Однако на этот раз скорость выхода воздуха из его тела была значительно ниже.

По мере того, как путешествие по густым джунглям вслед за Чжаном Лишенгом становилось все длиннее и длиннее, Mountoad, который ползал быстро и прыгал, охраняя рядом с собой, становился все меньше и меньше. Когда он, наконец, перестал уменьшаться, его тело стало похоже на футбольный мяч. Его размер не отличался от толстой лягушки-быка.

Наверное, никто и не ожидал бы, что такая жаба - чрезвычайно опасное чудовище, если бы не был свидетелем ее способности вырастить тело в сотни и тысячи раз больше, в то время как язык мог бы сломать дерево и вытащить его вперед, просто вдыхая воздух.

С защитой горы и червями, которые, естественно, избегали его из-за заклинания, которое он скандировал, Чжан Лишэн потратил около часа на то, чтобы в шесть-семь утра в целости и сохранности выйти из древних джунглей.

Прямо перед тем, как сделать последний шаг из джунглей, он снял бамбуковую корзину, которая была у него на спине, и положил в нее Mountoad. Затем он снова появился на входе в деревню Гуаво.

В туманном морозящем дожде у криминальной полиции Лонг Гуаншэн, стоявшей рядом с полицейской машиной на пустом месте на въезде в деревню, были сигаретные окурки на ногах. У него было ошеломительное выражение глаз, когда он увидел, что Чжан Лишэн внезапно появился, после того, как исчез в густых джунглях на всю ночь.

Лонг Гуаншэн не мог не спросить своим глубоким голосом, когда к нему подошел молодой человек Мяовэй, чья одежда была порвана и наполнена пятнами крови, как ни в чем не бывало: "Что ты делал в джунглях, когда вошел вчера вечером? Почему ты остался на всю ночь?"

"И что это за пятна крови на твоём теле?"

"Я пошёл поклониться горам, а кровь принадлежит мулу."

Лонг Гуаншэн понятия не имел, что значит поклонение горам, которое только что сказал Чжан Лишэн. Однако буквального значения этого слова и крови мула на теле Чжана Лишэна было достаточно, чтобы у него мурашки по коже. Он сожалел, что даже спросил.

Надо знать, что дать криминальной полиции такое ощущение было очень трудной задачей.

Однако, поскольку он уже спрашивал, он ни за что не сдастся. Лонг Гуаншэн успокоил свои эмоции и сказал тоном дискуссии и немного попрошайничеством: "Чжан Лишэн, я был отруган лидером после того, как сообщил о том, что вчера вечером посреди ночи ты из ниоткуда побежал в горные джунгли".

"Мой дед тоже был сельским жителем. Позже он отправился в город и основал семью, так как не был способен на что-то большое".

"Мои отец и мама работали на кого-то, мне было нелегко поступить в университет с моей собственной тяжелой работой, и теперь меня назначили работать криминальной полицией в Бюро общественной безопасности в округе..."

Глядя на странное выражение Лонг Гуаншэна, Чжан Лишэн похлопал по спине бамбуковую корзину и сказал: "Не волнуйтесь, следующего раза не будет". Затем он направился к своему дому, игнорируя его.

На полпути к нему со спины Чжана Лишэна раздался ясный женский голос: "Чжан Лишэн, ты в порядке в эти дни?".

"Что вы делали рано утром?"

Поняв по голосу, что это была дочь Тао Лиелина, Тао Лулу, Чжан Лишэн сложил рукава, чтобы скрыть пятна крови. Он повернулся и сказал правду: "Ничего особенного, я пошел поклоняться горам".

Тао Лулу родилась в горной деревне, она, естественно, знала, что такое поклонение горам. Она подошла на пару шагов ближе и с удивлением спросила: "Ты воспользовался мулом, который семья Его компенсировала за поклонение?".

"Да."

Тао Лулу втайне была шокирована. Она спросила ещё раз в неверии после того, как хорошенько посмотрела на Чжана Лишэна: "Ты не очень хорошо выглядишь, не говори мне, что ты убил мула в горах в одиночку".

"Да", - сказал Чжан Лишэн, опустив голову и кивнув головой.

"Обычно требуется несколько взрослых, чтобы убить мула. Как... как тебе удалось сделать это самому?"

"Я потомок семьи Чжан из деревни Гуаво, для меня это ерунда."

Услышав, что сказал Чжан Лишэн, Тао Лулу гневно ответил: "Какая семья Чжан из деревни Гуаво, какой повелитель, отец, разве это не древние суеверия? Только не говорите мне, что это действительно вы убили Эрму и иностранных грабителей..."

"У тебя хорошие оценки, особенно по иностранному языку, ты всегда был №1 во всей школе". Почему вы начали верить в эти древние суеверия, раз уж что-то случилось с вашей семьей?"

"Если вы верите в эти вещи, вы не сможете покинуть эту гору навсегда, в чем смысл всего, даже если вам удалось завоевать это место размером с ладонь"?

Чжан Лишэн бормотал, когда был ошеломлен: "Как вы могли такое сказать? Т-ты, разве это не твой отец попросил тебя увидеться со мной..."

"Я, я, я. Что со мной не так? Разве я не могу случайно столкнуться с тобой по дороге в школу..."

"Но... но твой дом ближе к школе, чем к моему дому, разве ты не пойдешь в обратном направлении, если пойдешь в школу?" Чжан Лишэн сказал, когда был ошеломлен.

Лицо Тао Лулу за секунду покраснело и горько произнесло низким голосом: "Как я хочу ходить в школу - это моя свобода и моя собственная воля".

"Чжан Лишэн, иди и проведи свою жизнь, делая глупые вещи и будучи загадочным тогда!" Затем она повернулась и убежала большими шагами.

Наблюдая за Тао Лулу, который уезжал далеко, Чжан Лишэн почувствовал в своем сердце всплеск странного онемения и тепла, когда медленно понял, что только что случилось.

Теперь он понял, что есть молодая девушка того же возраста, которая заботится о нем. Более того, она никогда не бойкотировала его за то, что он был тем, кем он был сейчас, и тихий, интровертный тощий молодой человек, что он был раньше, чей единственный опыт был с хорошими оценками.

Такое ощущение было невероятно волшебным для молодого человека, который был невежественен в молодости.

После потакания этому чувству в течение некоторого времени, было все больше и больше людей на каменных дорогах деревни. Чжан Лишэн не хотел наткаться на слишком много жителей деревни, поэтому продолжил идти пешком к старому дому.

Вернувшись домой, он положил бамбуковую корзину после того, как должным образом запер дверь. Затем он освободил Маунтоад.

Червь-волшебник практически не двигался, когда его не везли с заклинанием. Чжан Лишэн носил Mountoad, как будто он нес с собой скульптуру, затем он вошел в центральную комнату и положил Mountoad на деревянный стол.

После некоторого хихикания и осторожного восхищения он схватил из холодильника большой кусок сырой вяленой говядины и сушеные овощи и вошел на кухню.

После кипячения кастрюли с водой, первое, что он положил в нее, была миска с клейковиной риса. После того, как рис раскололся, он положил в кастрюлю вяленую сырую говядину и высушенные овощи, а также другие ингредиенты.

После замачивания в кипящей воде вяленая сырая говядина и высушенные овощи стали расширяться, Чжан Лишэн использовал лопату для смешивания их с липким клейким рисом. Вскоре был приготовлен горшок с густой говяжьей клейковистой рисовой кашей.

Естественно, вкус этой поспешно приготовленной мясной каши нельзя было сравнить с мясной кашей, которая готовилась с мастерством и терпением. Однако выигрышным моментом было то, что она готовилась быстро и удобно. Чжан Лишэн, который был измотан, не заботился о том, что каша была еще горячей, как он съел две миски из них последовательно в больших, грубых фарфоровых чашах. Он, наконец, наполнил свой голод.

Позже он положил оставшуюся мясную кашу в миску и принес ее в центральную комнату, а затем поместил ее рядом с горой.

Червь Волшебник был разновидностью колдовского орудия, ему нужен был волшебник, чтобы кормить его, используя силу волшебника или кровь для поддержания его могущественной способности, чтобы она не ухудшалась. Так как это был вид насекомого, ему нужно было есть, чтобы жить.

Цин Хун был сороконожкой, которой не приходилось употреблять пищу месяцами. Горная жаба, которая была родниковой водяной жабой, была такой же, но так как Чжан Лишэн выглядел высоко, то к ней относились по-другому.

К сожалению, вчера вечером Mountoad съел только половину молодого мула и не оценил доброту своего хозяина. После того, как Чжан Лишэн пел заклинание, указывающее ему на еду, он вытянул длинный язык и за секунду проглотил большую грубую фарфоровую чашу, а затем проглотил ее в животик. Однако большая часть мясной каши была пролита.

<http://tl.rulate.ru/book/21779/758466>